

КНИГИ:

НОВИНКА НЕДЕЛИ

Родословная
ДУШИ

СЕРИЯ «Человек. События. Время», совместно выпускаемая несколькими издательствами, пополнилась новой книгой-альбомом — «Александр Блок» (издательство «Советская Россия»).

«Это имя, этот «звук» в русской и мировой поэзии XX века — из самых драгоценных», — пишут авторы-составители В. П. Енишерлов, С. С. Лесневский и А. А. Рюмин. Само «закавыченное» ими слово сразу же вызывает в нашей памяти завет стихотворения поэта, где он писал, что имя Пушкинского Дсма — «звук понятный и знакомый, не пустой для сердца звук». Вспоминаешь и другое:

Приближается звук. И, покорна
щемящему звуку,

Молодеет душа.

Как, откуда, почему возник этот поныне щемящий сердце звук, одна из самых проникновенных и благородных нот всей нашей поэзии и культуры?

Книга во многом отвечает на этот вопрос.

Три ее раздела недаром посвящены Петербургу, Шахматову и Москве. «Родословную души» поэта просто невозможно установить, если позабыть про «звоны ледохода на торжественной реке» — Неве, в великом городе, где «в переулках пахнет морем», позабыть про «многострунную синюю русскую даль», распахнувшуюся перед Блоком в окрестностях маленького усадебного дома, или даже про более редкий в его жизни «час утра, чистый и хрустальный, у стен Московского Кремля».

«Близость к хлебным полям, к туману, к ветру, к дождям и грозам заставляет петь все громче», — эти слова из ранней блоковской статьи кажутся нам теперь пророческими по отношению к его собственному зрелому творчеству. Ни знакомые с раннего детства шахматовские пейзажи, ни исхоженные столетние улицы не «приедались» поэту. В них постоянно открывалось что-то новое, тревожащее и притягивающее.

«Пропадая на целые дни — до заката, — говорится в планах поэмы «Возмездие», во многом автобиографической, — он очерчивает все большие и большие круги вокруг родной усадьбы... Он проезжает деревни, сначала — ближние, потом — незнакомые. Молодухи и девки у колодца. Зачерпнула воды, наклонилась, надевает ведра на коромысло, слышит топот коня, заслонилась от солнца, взглянула

и засмеялась — блеснули глаза и зубы, — и отвернулась, и пошла плавно прочь».

Яркость, почти кинематографическая подробность этих воспоминаний свидетельствуют о том, как рано пробуждался в Блоке художник. В то же время, как «растет» его дума о жизни, какие «огнекрасные отсветы» грядущих гроз вскоре лягут на его стихи, преображая запомнившийся образ встреченной то в драгоценный штрих картины всей Родины — России («И невозможное возможно, дорога долгая легка, когда блеснет в дали дорожной мгновенный взор из-под платка...»), то в драматическую историю горестной женской судьбы («На железной дороге»)!.

Случается, что в биографических книгах, спектаклях, фильмах главный герой начинает выглядеть единоличным творцом своей судьбы, а все, что этому способствовало, решительно отесняется на задний план. Составители альбома сумели избежать этого досадного промаха, следуя, в частности, блоковским словам о том, что в России и искусство, и философия, и политика «образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры».

Поэтому рассказу о блоковском «непостижимом городе» прекрасно «аккомпанируют» «Ночь в Петербурге» и другие работы Мстислава Добужинского, поэтому же «на законных правах» присутствуют в книге Нестеров и особенно Врубель, с которым поэт, по его словам, был связан жизненно (хотя и не был знаком с ним лично), Комиссаржевская и Станиславский и, конечно же, спутники, друзья и «оппоненты» героя (причем порой все перечисленные «роли» выпадали на долю одному и тому же лицу, например, Андрею Белому или Сергею Соловьеву!) в собственно литературном деле, будь они поныне знамениты, подобно Брюсову, или основательно позабыты, как «крыжий Женя» — неудачливый писатель и прекрасный человек (чистейший князь Мышкин!) Евгений Иванов.

«Народ собирает по капле жизненные соки для того, чтобы произвести из среды своей всякого, даже не крупного писателя», — сказал Блок однажды. И многие факты и лица, запечатленные на страницах книги, право же, подобны таким «каплям», достойным самой благодарной памяти.

«Огромная даль...» — восторженно записал Блок после одной прогулки по окрестностям Петербурга.

В книге же, о которой идет речь, тоже раскрывается огромная даль этой короткой, но драматически насыщенной жизни.

А. ТУРКОВ.

Известия 1986, 14 сен